

Если бы не Ли Аньцин, помогший отшутиться и отвести подозрения, ему пришлось бы на ходу сочинять новое оправдание. Удивительно, но Ли Аньцин ни разу в жизни не спросил его о непростых отношениях с Цинь Цзяюй.

— У каждого в душе есть темные уголки, — спокойно произнес Ли Аньцин. — И у каждого есть свои тайны.

Если пытаться докопаться до всех секретов окружающих, вряд ли кому-то удастся выйти из этого «с триумфом».

Машина остановилась у ворот. Ли Сяньфу выложил гирлянду петард. Поскольку ни он, ни Ли Аньцин не курили, по пути они специально заехали в небольшой магазинчик за коробкой спичек.

Ветер поднялся нешуточный. Слабое пламя отчаянно металось в стороны, и фитиль никак не хотел загораться.

— Я же говорил тебе купить зажигалку, — заметил Ли Аньцин.

— Нам на один раз. Спички дешевле, да и атмосфера совсем другая.

— А когда ты покупал Замок Сердец в ту ночь, ты не был столь бережлив, — парировал Ли Аньцин.

Судя по тому, что пересказывал Ли Хуайчэнь о том телефонном разговоре, Ли Сяньфу тогда даже настаивал на самом дорогом варианте.

Впрочем, принцип Ли Сяньфу всегда заключался в том, чтобы экономить где можно, но не жалеть денег там, где это действительно необходимо. Благодаря его упорству крошечный язычок пламени наконец схватился за фитиль. Едва он выпрямился и отступил на пару шагов, как в воздухе затрещали и рассыпались красные брызги, оседая у самой земли, словно небесный дождь из лепестков.

Грохот петард стоял такой, что никакая шумоизоляция не смогла бы его заглушить.

Тетя Чжан выбежала на улицу, зажимая уши, и перекрикивая треск, спросила:

— Что сегодня за день такой? С чего вдруг петарды?

Ли Сяньфу сквозь клубы дыма откликнулся:

— Старый друг женится!

— ...

Друг женится, а петарды взрывают у собственных ворот — Тетя Чжан никак не могла уловить логику этого поступка.

Трескотня выманила из дома не только Тетю Чжан, но и Старика Ли, который до этого увлеченно играл сам с собой в шахматы на втором этаже. Едва он появился, праздничная атмосфера мгновенно испарилась под его ледяным взглядом.

Последние разорвавшиеся красные бумажки ветром поднесло прямо к его домашним тапочкам. Старик Ли с отвращением отпихнул их носком:

— Вы что тут устроили?

Ли Сянфу с невозмутимым видом ответил:

— Су Тао выходит замуж.

Старик Ли аж нервно усмехнулся от возмущения:

— Ты среди ночи таскался на вершину горы, чтобы молиться за нее, а теперь еще и петардами это празднуешь?

Пока отец и сын разговаривали, Тетя Чжан, не выдержав едкого порохового дыма, поспешно ушла обратно в дом.

— Даже если они в будущем разорятся и пойдут по миру, к тому времени у них, глядишь, уже и дети будут. А вы? — Старик Ли с пренебрежением смерил взглядом Ли Сянфу и Ли Аньцина, держащего в руках вещи. — Вы оба от начала и до конца — два никому не нужных холостяка.

— ...

Вспомнив байку, сочиненную Ли Аньцином, Ли Сянфу без зазрения совести пустил ее в ход:

— За последние четыре года Цинь Цзяюй изо всех сил пыталась стать супругой президента крупной компании, а у меня уже есть ребенок. Победитель очевиден.

Он продолжил проводить четкую грань:

— Так что, папа, эти слова ты можешь высказать старшему и среднему братьям. А мой ребенок уже давно достаточно взрослый, чтобы ходить в магазин за соевым соусом.

— ...

В наступившей тишине Ли Сянфу добавил:

— Он, Ли Шаша, мой сын, свободно владеет семью языками.

— Разбирается в философии, теологии и астрономии.

— Стоит ему немного постараться, и в восемь лет он будет в классе для одаренных детей, в десять — в магистратуре, в двенадцать — защитит докторскую... В будущем он станет самым ценным старшим внуком нашей Семьи Ли и главной вывеской компании.

Ли Сянфу заключил:

— А я, без сомнения, отец легенды.

— ...

Примечание автора:

Ли Сянфу: Я пожертвовал слишком многим.

Ли Шаша: ...Всё логично, и не возразишь.

Старик Ли даже глазами хлопать перестал. Хотя эпоха продолжения рода ради галочки давно

прошла, Ли Сянфу действительно внес неоценимый вклад в семейное наследие, пусть и в сомнительной форме.

Убедившись, что бубнеж над ухом прекратился, Ли Сянфу повернулся, забрал из машины свежкупленную соню и электронные комплектующие и собрался войти в дом. Поскольку обе руки были заняты, доставать телефон оказалось неудобно, и он невзначай спросил, который час.

— Пять часов, — отрывисто ответил Старик Ли, опередив Ли Аньцина.

Ли Сянфу задумался:

— В это время Шаша разве не должен уже давно вернуться из школы?

Старик Ли медленно произнес три слова:

— Посмотри назад.

Ли Сянфу обернулся. С первого взгляда он ничего не заметил, но со второго увидел Ли Шаша, неподвижно стоящего у скульптуры на газоне. Солнце косо освещало изваяние гигантской антилопы, и отбрасываемая им густая тень почти полностью скрывала мальчика.

Ли Сянфу инстинктивно огляделся по сторонам, но служебной машины, которая каждый день привозила ребенка из школы, нигде не было.

Словно угадав его мысли, Ли Шаша подал голос:

— У машины, которая ехала за мной, по дороге вышибла боковое зеркало выскочившая на встречу мотороллерша. Я приехал на школьном автобусе.

Получив ответ, Ли Сянфу осторожно спросил:

— И сколько из сказанного ты слышал?

Ли Шаша с каменным лицом подошел, забрал у него часть покупок и, переступая через порог, проговорил:

— Я потрачу всю жизнь...

Ли Сянфу на автомате подхватил:

— ...чтобы исцелить травмы детства?

Не дав ему закончить любимую поговорку, Ли Шаша качнул головой, вошел в дом, поставил вещи и, разуваясь, тихо уточнил:

— Поправка: в общей сложности я знаю более пяти тысяч языков.

Старик Ли в этот момент на улице все еще читал нотации холостяку Ли Аньцину. Ли Сянфу с абсолютно спокойной душой отозвался:

— В твоем возрасте знать семь языков — значит быть гением. А если число перевалит за сотню, гений превращается в подопытный образец на лабораторном столе.

Впрочем, кем бы ты ни был — гением или образцом — от выполнения домашних заданий Ли Шаша это не освобождало.

Поднимаясь на второй этаж, мальчик на ходу достал ручку и первым делом расправился с математикой, оставив предметы, требующие написания текста, на потом.

Задание по родному языку для первого класса заключалось в том, чтобы составить рассказ по картинке. Для Системы сложность была нулевой, но степень оскорбительности — максимальной.

Пока он писал, Ли Сянфу сидел рядом и набрасывал мелодию — похоже, собирался увековечить знаменательный день регистрации Цинь Цзяюй.

За окном легкий ветерок поглаживал ветви деревьев, где парочка воробьев цеплялась лапками за шероховатые коряги и задорно клевала друг друга. Ли Сянфу случайно заметил эту сцену и, напевая мотив, не удержался от вздоха:

— На самом деле, меня можно считать их сводником. Пусть даже наполовину.

Ли Шаша набросал пару фраз, захлопнул тетрадь и произнес:

— Ни один сводник не дарит на свадьбу скромный конверт всего на двести юаней.

— Твой робот, которого я купил сегодня, стоил больше ста тысяч.

У стены стоял робот высотой в полчеловека, всем своим видом демонстрируя нехилую стоимость.

Не удержавшись, Ли Шаша подошел поближе, чтобы полюбоваться покупкой, и со спокойной торжественностью зачитал:

— Ваша щедрость подобна весеннему дождю, бесшумно питающему землю. Папа, я сохраню это в сердце навеки.

— ...

Ночью Ли Сянфу, размышлявший об этом весь день, увидел сон. Ему приснилась пара новобрачных, которые в праздничных нарядах обменивались кольцами. Увы, в самый последний момент Цинь Цзяюй внезапно передумала и разорвала помолвку.

Это был настоящий кошмар.

На следующее утро Ли Сянфу проснулся с испариной на лбу.

К счастью, сны разнятся с реальностью. Новость, которую Ли Аньцин сообщил лично, ошибочной быть не могла: регистрация брака Цинь Цзяюй и Су Тао — факт решенный.

Вот только пышных торжеств они не планировали. Су Тао заботил лишь официальный статус. Она не только не стала привлекать внимание, чтобы уколоть Ли Тантан, но, напротив, постаралась скрыть это событие.

— С древних времен история знает немало примеров обманутой любви, — вздохнул один из

двух молодых людей, сидевших у фонтана во дворе. — Но все равно находятся те, кто предпочитает идти до конца по заведомо тупиковому пути.

— Люди, принимающие мышьяк за мед, просто не в своем уме. Не стоит обращать внимания, — отрезал Цинь Цзинь.

Его оценка звучала предельно жестко. Сегодня он раньше обычного закончил дела и нашел время, чтобы посидеть с Ли Сяньфу в саду и немного поговорить.

Ли Сяньфу с досадой заметил:

— Знал бы заранее — караулил бы у ЗАГСа, чтобы увидеть всё своими глазами.

— Там и без тебя хватало свидетелей.

— О?

Цинь Цзинь назвал весьма неожиданное имя:

— Юань Сюань.

Прикрываясь безответной влюбленностью, Юань Сюань настойчиво вьется вокруг Су Тао. Всего пару дней назад Су Тао прямо отвергла его ухаживания, заявив, что выходит замуж. Чтобы убедиться в правдивости ее слов, Юань Сюань в день регистрации замаскировался и проследил за ними, разыграв целое представление в стиле «отчаянной погони за любовью». И лишь своими глазами увидав красное свидетельство о браке, он с наигранным разбитым сердцем удалился.

Слушая эту историю, Ли Сяньфу лишь покачал головой:

— Если бы он направил этот таланты в правильное русло, давно бы добился небывалых высот.

А затем добавил:

— Одного Юань Сюаня явно недостаточно, чтобы потопить «Сяошо». Ты ведь нарыл какой-то компромат на руководство корпорации?

В последнем вопросе звучала абсолютная уверенность.

Цинь Цзинь только хотел ответить, как вдруг пару раз кашлянул. Он поднялся, шел в дом и вернулся с чашкой свежесваренного порошка от простуды.

От пара, поднимавшегося над кружкой, в воздухе разнесся отчетливый горьковатый запах.

<http://bllate.org/book/18300/1757275>